

Т. В. Федотова

**РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVII–XIX ВЕКАХ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ**

На основании проведенного исследования автор утверждает, что русская топонимия Восточного Забайкалья складывалась в результате взаимодействия русского языка переселенцев с лексикой и грамматикой местного населения, с функционирующими в данном регионе топонимическими системами коренных народов.

RUSSIAN TOPONYMY OF EASTERN TRANSBAIKALIA IN THE 17th–19th CENTURIES: GENERAL CHARACTERISTICS AND FORMING PRECONDITIONS

Basing on the conducted research, the author supposes that the Russian toponymy of Eastern Transbaikalia was formed as a result of the interaction among the Russian language of settlers with the vocabulary and grammar of the locals, with the toponymical system of the aboriginal peoples in the region.

Присоединение Забайкалья к Российскому государству явилось логическим продолжением завоевания Сибири, начавшегося в конце XVI в. В основе длительного и сложного закрепления за Россией земель, расположенных по соседству с Китаем, лежали прежде всего государственные геополитические устремления. Завоевательная политика самодержавия в этих регионах не могла не подкрепляться стихийным хозяйственным передвижением в Даурию вольных русских переселенцев. Этот колонизационный поток, постепенно направлявшийся правительством в организованное русло, должен был восполнить нехватку природных богатств на обжитых центральных российских территориях, а также способствовать преодолению тяжелых последствий крепостничества.

Процесс российского территориального оформления и внедрения русской системы хозяйства за Байкалом начался в середине XVII в. и в основном завершился в первой трети XVIII в. Завоевание, а затем и промышленное освоение новых населенных коренными народами земель постепенно подготовило административное обустройство вновь приобретенных русских владений, установление русско-китайской границы.

В освоении Забайкалья принимали участие два потока переселенцев: легально-государственный и вольно-народный. К первой группе относились служилые люди, в основном казаки, стрельцы, торговцы, промышленники, крестьяне, провинившиеся дворяне, «дети боярские» и др. Ко второй — «охочие» и «гулящие» люди: безземельные и беглые крестьяне, преступ-

ники, направлявшиеся в Сибирь с намерением улучшить свое имущественное положение. Вплоть до второй половины XVI в. путь в Сибирь лежал через Северную Двину и Печору, поэтому и первые поселенцы Сибири, равно как и Забайкалья, в подавляющем большинстве своем прибыли с Русского Севера, главным образом из Поморья.

Каким бы пестрым ни был состав землепроходцев, в освоении Забайкалья главную роль всегда играли служилые люди или казаки. Именно им чаще всего принадлежала инициатива в отыскании новых земель. Как представители Русского государства на вновь приобретенных территориях служилые люди выступали в качестве руководителей и участников военных походов и разведывательных экспедиций, строителей зимовий и острогов, организаторов хлебных пашен, рудоискателей и сборщиков ясака, доставляли товары и хлеб, сопровождали дипломатов. До конца XVII в. они составляли основную часть населения Даурии. В первой четверти XVIII в. в Нерчинском воеводстве насчитывалось чуть более 500 человек служилых, в Селенгинском — столько же. Это в 3–4 раза больше, чем крестьян.

Первоначально наборы служилых людей для отправки в Даурию проводились в западно-сибирских и других острогах и городах из вольных «гулящих» переселенцев, промышленников и ссыльных. Самым распространенным способом тогда был «прибор», когда сибирский воевода постепенно набирал в отряд сотников, десятников и рядовых казаков и стрельцов для годичного прохождения службы.

Кто в основном изъявлял желание нести трудную «государеву службу» в далеком неведомом краю? Со временем сложился весьма своеобразный психологический портрет казака-землепроходца. «Эти новые пришельцы были ратные люди и вольница из... вообще всяких людей, которых условия жизни толкали к переселению на новые, хотя бы и отдаленные места... Все они прирожденные бродяги, с ненасытной жаждой бесконечного передвижения все на новые и новые места, дабы найти там зверя и людей, поживиться от них и идти еще дальше, хотя бы на край света, с поисками «новых земель».... Максим Перфильев, Василий Колесников, Иван Похабов, Курбат Иванов, Иван Галкин, Ерофей Хабаров, Петр Бекетов, Яков Софонов, Афанасий Пашков, Иван Максимов и др., «открыв» загадочную Даурию, положили отчет Российской истории Забайкалья [4, с. 147–148].

С конца 30-х и до начала 50-х гг. XVII в. казаки-землепроходцы, подчинив себе племена, населявшие берега Амура, отстроив здесь остроги и распахав земли, положили начало активному хозяйственному освоению русскими Приамурья. В Забайкалье они пришли с севера, а несколькими годами позже и со стороны Байкала. Отряды служилых людей количеством от 50 до 100 человек и более продвигались в Даурию для поиска месторождений серебряных руд и промысла пушного зверя.

Первым по образованию и наиболее значимым в хозяйственно-административном, торговом и дипломатическом отношении был Нерчинский острог [4, с. 148].

Как уже было отмечено, Нерчинский острог заселили выходцы из разных сибирских острогов и городов. По данным Сибирского приказа, в Нерчинский острог в 1658 г. пришли выходцы из следующих сибирских территорий: из Тобольска – 60 чел., Томска – 50 чел., Тюмени – 40 чел., Березова – 40 чел., Илимска – 40 чел., Тары – 30 чел., Верхотурья – 20 чел., Пельма – 15 чел., Красноярска – 15 чел., Кузнецка –

10 чел., Туринска – 10 чел., Енисейска – 10 чел. и Сургута – 10 чел. [11, с. 166]. Таким образом, в Нерчинске было сконцентрировано русское население Западной и Восточной Сибири. Поскольку большое количество енисейских служилых оказалось в числе постоянных Нерчинских жителей, то, по мнению Г. В. Христосенко, можно утверждать северно-русское происхождение части жителей Нерчинска. В Нерчинске осела небольшая часть угличан, так как Пелым «насадиша угличанами ссыльными» [11, с. 168]. Кроме этого, среди нерчинцев довольно велика была доля северян, так как Тюмень, Красноярск, Верхотурье, поставлявшие служилых для Нерчинска, заселялись преимущественно уроженцами северной полосы европейской части России.

Таким образом, русская топонимия Восточного Забайкалья складывалась под влиянием переселенцев. Появившиеся в Забайкалье в середине XVII в. русские, в основном (как уже было отмечено) выходцы из северных районов России, украинцы, белорусы, отчасти поляки позволили развиваться здесь славянскому населению.

В свою очередь, на основе длительных контактов русских с коренными народами Забайкалья (бурятами и эвенками) шел интенсивный процесс взаимодействия этих языков, в результате чего постепенно шло формирование русской топонимии региона. Причем, взаимовлияние языков было обоюдным. Приспосабливаясь к новым условиям на новых землях, переселенцы прибегали к помощи местного населения [6, с. 56]. Русские, заселяя новые места, использовали лексику аборигенов не только в быту, но и в топонимии, принимая названия тех мест, куда они переселялись.

Таким образом, как пишет М. Н. Мельхеев: «В результате длительного продолжительного процесса... образовалась сложная топонимия в виде наслоения географических названий различного языкового происхождения: палеоазиатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского, русского» [7, с. 45].

Как известно, каждый период развития топонимической системы характеризуется определенными признаками, который можно обозначить как топонимическую ситуацию. Иначе говоря, топонимическая ситуация — совокупность топонимов, составляющих топонимическую систему того или иного региона в определенный исторический период и имеющих, соответственно, характерные черты с точки зрения образования, функционирования и адаптации в конкретной языковой среде.

К XVII—XIX вв. топонимическая система Восточного Забайкалья окончательно еще не сформировалась, сведения по имеющимся топонимам недостаточно систематизированы и описаны, русская топонимия как наиболее поздний стратиграфический слой эволюционирует, создавая собственные грамматические особенности, базируясь на историко-географических особенностях региона.

Освоение русскими территорий, заселенных другими этносами, способствовало различным процессам в плане изменения существующей топонимической системы и становления новой, приобретающей собственные черты, русской топонимии.

По мнению О. Т. Молчановой [8, с. 168], в местах, заселяемых русскими, могло сложиться три ситуации. Первая, когда осваивались необжитые земли и вся топонимическая система создавалась русскими заново. В этом случае географические наименования были русскими как по происхождению, так и по употреблению. Вторая, когда русские селились смешанно с коренным населением и коренное население оказывалось в большинстве; в этом случае русские воспринимали топонимическую систему местных жителей, подвергая ее определенной трансформации. В этой ситуации топонимы были нерусскими по происхождению, но стали русскими по употреблению, войдя в систему русского диалекта, при этом могли возникнуть топонимические параллели, кальки, гибридные образования. В третьей ситуации, когда русские, селившиеся смешанно с аборигенами, количественно пре-

обладали, все процессы второй ситуации были усилены: русская топонимическая система складывалась посредством создания своих названий и адаптации уже существующих. Все они включались в местные диалекты языка коренного населения и русского языка [8, с. 168].

Как и любая другая топонимическая система, топонимия Восточного Забайкалья определяется особенностями заселения, природных условий и национального состава населения. Как уже было отмечено, заселение Восточной Сибири русскими шло с запада на восток в основном по линии старого Иркутского тракта и Сибирской железной дороги. Поэтому до сих пор в направлении на север и юг от этой главной линии количество русских названий уменьшается, зато растет число названий из других языков. Появление русских в Сибири не вносило коренной ломки в структуру топонимии края, так как сам процесс заселения и присоединения Сибири к России был относительно мирным. Русские не вытесняли аборигенов из обжитых местностей со сложившейся топонимией, а заселяли свободные, необжитые земли, которые не имели, по существу, своей собственной топонимии.

Поведение переселенцев в отношении к существующей топонимической системе на протяжении XVII—XIX вв. существенно не меняется:

- 1) переселенцы принимают топонимическую систему аборигенов без изменений;
- 2) переселенцы создают свою топонимическую систему, прибегая при этом к лексическим и формантным средствам русского языка;
- 3) переселенцы принимают топонимическую систему местного населения, адаптируя ее с точки зрения морфологии и фонетики, частично семантики;
- 4) переселенцы осуществляют перенос географических названий на новую территорию из мест своего выхода.

Исходя из того, что заселение русскими первопроходцами происходило в основном уже существующих населенных пунктов, с

устоявшимися аборигенными названиями, то, следовательно, собственно русские названия относятся преимущественно к сравнительно мелким географическим объектам, которые к моменту прихода их были безымянными или имели неустойчивые названия. Это малые реки, речки, озера, небольшие топографические объекты и т. п., тогда как более или менее крупные географические объекты имели нерусские названия. Исключения составляют поселения пашенных крестьян: основанные крестьянами деревни получали русские личноименные наименования. Таких названий особенно много в районах первоначальной земельной колонизации, т. е. там, где в XVII–XVIII вв. оседали пашенные крестьяне, осваивая хлебопашество. В Восточном Забайкалье они селились в основном по рекам Ингоде и Шилке. Сначала возникали так называемые «деревни» в один-два двора, названные по именам основателей: Бочкарево, Бронниково, Лоншаково, Лукино, Лесково и т. п., которые затем разрослись в крупные села. Позднее это станет одной из традиций в топонимике Забайкалья [5, с. 80].

Процесс «обрусения» топонимии региона в XVII–XIX вв. находится еще на начальном этапе развития, который во многом зависит от постепенного увеличения численности русского населения, социально-экономического уклада жизни и других причин. Эти факторы приводят к тому, что русские не только воспринимают топонимы от местного населения, но и активно создают свою номенклатуру. В связи с этим на территории Забайкальской области в XIX в. мы можем говорить о функционировании двух параллельных территориальных топонимических систем со значительным общим топонимическим фондом. Общий топонимический фонд составляют прежде всего собственно топонимы: названия многих населенных пунктов, крупных рек, хребтов: Ингода, Аргунь, Чита и др.

К характерным чертам русской топонимии XVII–XIX вв. можно отнести следующие:

1. Происхождение многих русских топонимов связано с именами и фамилиями первопоселенцев, основателей того или иного поселения, и основных жителей села в течение значительного времени или даже постоянных, иногда и единственных однофамильцев. Как правило, это отантропонимичные ойконимы: деревни Сенотрусова, Котельникова, Ларионова, Кулакова. Эти отантропонимичные образования давались по имени или фамилии первопоселенца.

2. Другая не менее распространенная тенденция в наименовании населенных пунктов русскими поселенцами была связана с тем, что «окружающий ландшафт представляет особо важное значение для насельника того времени и служит одним из источников для наименования пункта поселения» [9, с. 67]: Новые Ключи, Красноярский, Кручинский, Засопочный, Горный, Заречный, Закаменский, Большой Луг, Березовский, Болотовский, Поселье, Солонечный, Луговской, Усть-Серебрянский, Усть-Стрелочный и т.п. Причем многие названия повторялись в разных волостях. Это в первую очередь связано с тем, что основное назначение топонима для переселенцев все-таки было ориентирующее. Подобные названия указывали на основную приметку расположения населенного пункта.

3. Тяжесть перенесения трудных условий жизни как в социально-экономическом, так и в природно-климатическом отношении способствовала тому, что русские новопоселенцы надеялись на «милость божью», давая своим поселениям названия, связанные с именами святых или названиями церковных праздников. Как отмечает А. М. Селищева: «Церковность феодального времени наложила сильный отпечаток на топографическую номенклатуру. Для названия села официальная среда пользовалась именем церкви, находившейся тут (Знаменье, Спас...). В среде населения церковные имена сел и свобод претерпевают изменения, показательные для того времени» [9, с. 68]. К названиям праздников, церквей добавляются суффиксы –*К*, –*СК*: Воз-

движенский, Покровский, Явленская, Ново-Георгиевская, Михайло-Никольское, Ново-Троицкая, Стретенская и т. п.

4. С такой же частотой называния, что и религиозные топонимы, в XVIII в. получает распространение использование в качестве названия населенного пункта имени известных лиц, как в государственном отношении того времени, так и местного масштаба: Николаевское, Ново-Павловское, Александровское, Елизаветинское, Макоевск, Базановское, Кличка.

5. Встречаются также ойконимы, в которых отразились названия лиц, относящихся к разным социальным слоям того времени. В одних случаях они имеют possessивное значение, в других — отражают статус основателя населенного пункта, в третьих — просто являются историческим свидетельством существования отдельных социальных слоев того времени: Казаковский, Поповский, Княже-Береговая, Княже-Поселье, Атамановск, Ново-Казачинское.

6. На образование русских топонимов оказали влияние географические термины и иная лексика местного происхождения. «Географические открытия и исследования, переселение народов и хозяйственное освоение обширной территории Сибири, ... сопровождалось появлением новых слов, в частности географических терминов, пополнивших словарный состав языков народов, населяющих Сибирь (русских, бурятов, якутов и др.)» [7, с. 9]. Многие из этих терминов впоследствии перешли в топонимы. Коренная субстратная топонимия постепенно теряет свои отличительные черты. Местные, якутские или эвенкийские, названия трудны для произношения русскому человеку, да и количество их почти не увеличивается. Низкая плотность населения не способствовала прочному закреплению нерусских топонимов. С появлением новых городов и сел появляются обычно более простые, чаще всего русские названия [3, с. 178]: Подволочное (волок — временная дорожка, про-

сека, по которой доставляют лес от лесосеки к большой дороге), Мангутская (мангутами буряты называли русских), Карымская (карым (харим) — потомок от смешанного брака русских и бурят), Долгокычинский (М. В. Большаков, участник восстания Пугачева — основатель села. Сумел избежать казни и добраться до Забайкалья. Дал такое название оттого, что они «долго сюда кычали» [1, с. 33]) Солонечный (солонец — малопродуктивная почва, обладающая повышенной минерализацией).

7. Есть необходимость сказать о существовании нескольких ойконимов с абстрактным значением. Как справедливо отмечает А. М. Селищев, «такие названия появились в позднейшее время, и вышли из среды помещиц» [9, с. 66]: Благодатская, Богдатская. По этому поводу А. М. Селищев пишет: «Все эти пункты представляли собою помещицьи деревни. Нет ни одной «казенной» деревни с таким названием». И далее: «Благодатными» были для господствующих классов того времени и рудники с богатством их запасов: ...Благодатный — рудник в Нерчинском округе в Забайкалье, открытый в 1745 г.» [9, с. 66].

Несколько иные черты в семантическом плане имеют гидронимы и оронимы того периода.

Во-первых, гидронимы и оронимы, как правило, наиболее устойчивы и, приобретая названия в XVII в., больше практически не менялись, во-вторых, к приходу русских переселенцев данные географические объекты уже имели названия и поселенцы давали названия лишь мелким речкам, ручьям, небольшим озерам, которые на картах того времени не зафиксированы. Названия рек, озер в большинстве случаев повторяют названия населенных пунктов XVII в., так как для топонимии края характерна следующая особенность: речкам, вытекающим из одной и той же горы, местные жители давали одинаковые названия, и различие названий заключается только в обозначении расположения водоема (южный, северный, западный, восточный, правый, левый), а

названия поселений давались чаще всего по имени реки. Интересно по этому поводу замечание П. С. Палласа, путешествовавшего с Н. П. Соколовым в 1772 г. по Забайкалью: «Чудное обыкновение буретов, что оне реки выходящие из противных сторон одного хребта меж двух главных рек находящегося, где каждая по противу положенному скату течет к своей реке, в которую впадает, называют одним именем, особливо если еще лежит вдоль по таковым верховой шлях или какая другая тропинка, что здесь весьма нередко...» [1, с. 116]. В целом получается схема: ороним – гидроним – ойконим. Таким образом, гидронимия и частично оронимия повторяют названия населенных пунктов, описанных ранее: оз. Арей – с. Арей, р. Домна – с. Домна, р. Алентуй – с. Алентуй, р. Амазар – с. Амазар и т. п.

Что касается русской гидронимии Восточного Забайкалья, то она не только вобрала в себя значительную часть уже существовавших названий рек, но и складывалась при непосредственном взаимодействии с функционировавшими в данном регионе топонимическими системами других народов.

К основным чертам гидронимии Восточного Забайкалья того периода можно отнести следующие.

Первой особенностью является первичность по отношению к остальным группам названий. Она обусловлена той ролью, которую играли водоемы в жизни сибирского населения. Реки были не только источниками воды и пищи, но и основными транспортными магистралями. При заимочно-захватном землепользовании русские крестьяне запахивали земли, углубляясь в леса по рекам. При этом сразу же возникала необходимость в назывании реки как приметы, знака, границы того или иного владения. И лишь потом на реках строились заимки пашенных крестьян, превращавшиеся позднее в деревни [2, с. 16]. В связи с тем, что переселенцы нередко соседствовали с местным населением, то чаще всего они принимали те названия, которые уже суще-

ствовали. Поэтому неслучайно, что гидронимия почти вся заимствована у аборигенов. В структурном отношении ойконимы и гидронимы практически не различались, т.е. совершенно не использовались характерные для населенных пунктов других местностей суффиксы –К-, –СК- и т. п. То же самое касается и озер, ручьев и других водоемов.

Второй особенностью гидронимии и оронимии Восточного Забайкалья XVII–XIX вв. является относительная устойчивость и стабильность. Проанализируем степень изменчивости названий рек. Так, по карте, датированной 1890 г., мы можем отметить, что в этот период на территории Восточного Забайкалья функционировали 20 гидронимов: реки Чита, Ага, Иля, Онон, Ингода, Кия, Нерча, Унда, Турга, Онон-Борзя, Онон, Газимурь, Уровь, Аргунь, Урулюнгуй, Куэнга, Черная, Куренга, Горбица, Микишиха. Все они сохранились до нашего времени, т.е. мы наблюдаем высокую степень устойчивости данной группы топонимов.

Оронимическую систему проанализировать не представляется возможным. На всех имеющихся картах XVII–XIX вв. обозначен лишь Яблоновый хребет. Название является фонетической адаптацией субстратного оронима.

Таким образом, топонимия того времени включала два вида топонимов: субстратные адаптированные или неадаптированные топонимы и отантропонимические и отапельлятивные русские образования.

Формирование состава русского населения предопределило особенности складывания русской топонимической системы Восточного Забайкалья. В качестве основных условий ее формирования можно назвать следующие:

- 1) за счет усвоения пришельцами географических названий аборигенного населения;
- 2) за счет усвоения местных географических названий путем фонетической, морфологической и семантической адаптации;
- 3) в результате создания собственных географических наименований с использо-

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ванием лексических и формантных средств русского языка;

4) в результате постоянно возникавших новых названий, отражавших собственно-русские традиции, но базировавшихся, исходя из других естественно-природных сибирских условий, на специфическом лексическом материале [10, с. 20];

5) благодаря развитию эндемических процессов, в частности, складывавшему-

ся на основе контаминации многих диалектов и языков старожильческому говору [10, с. 20];

6) путем единичных случаев переноса наименований из европейской части России.

Все перечисленные факторы внесли определенный вклад в формирование региональной русской топонимической системы Восточного Забайкалья, отличающейся лексическим многообразием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабанов В. Ф. В дебрях названий. – Иркутск, 1977. – 80 с.
2. Воробьева И. А. О некоторых типологических чертах русской гидронимии бассейна средней Оби // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8–9. – С. 15–24.
3. Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск, 1980. – 288 с.
4. Константинова Н. Н. Забайкалье в XVII – XVIII вв. // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / Под ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 147–159.
5. Курсков Ю. В. Забайкальский город XVII в. в дореволюционной и советской литературе (Чита, Нерчинск) // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск, 1984. – С. 70–86.
6. Матанцева М. Б. Лексические контакты говора семейских с сибирскими старожильческими говорами и русским литературным языком // Русские народные говоры Забайкалья. – Улан-Удэ, 1995. – С. 54–63.
7. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. – Иркутск, 1969. – 180 с.
8. Молчанова О. Т. Русские и адаптированные русским топонимы горно-алтайской автономной области // Восточнославянская ономастика. – М., 1979. – С. 166–175.
9. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // А. М. Селищев. Избранные труды. – М., 1968. – С. 45–96.
10. Фролов Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. – Тюмень, 1996. – 160 с.
11. Христенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1977. – С. 153–175.